

Московские Игры.

31 Июля -7 Авг., 92

Всё лето страна торговала.
Всё первое лето свободы
начальство на деньги с народом
колодою новой играло.

В провинциях бывших порою
шли мекие стычки и войны,
но в центре всё было спокойно.
Москва задыхалась от зноя.

И всё бесконечное лето
пасьянсы раскладывал город
из бывших тузов, их шестёрок
и мелких партийных валетов.

Тянулся, зажмурившись, в небо
дряхлающий Дом Министерства
с припудренным пылью, имперским
увитым колосьями гербом.

Мерцал чешуёю оконной,
заглатывал чьи-то проклятья,
урча, словно чревовещатель,
своею утробой бездонной.

И дверь Министерства вертелась,
сдавая на площадь привычно
фигурки в очках заграничных -
колоду дельцов очумелых.

.....

По самому крупному счету
в то первое лето свободы
играли краплёной колодой.
И ставки удваивал кто-то.

Июнь, 91

Романс с чёртом.

Эх, рюмочки-рюмашеньки,
прабабушкин сервиз!
Какой-то дрянью крашеной
до положенья риз
с дружкой моим Аркашенькой
мы нынче упились.

На деньги наши кровные,
последние гроши
мы, умозаключённые
еврей-алкаши,
разинув рты рифлёные
пьём за помин души.

За всех, кто в эмиграции
и нас давно забыл,
за наши диссертации,
за то, что нету сил
здесь больше оставаться нам,
за то, чтоб Бог простил.

Закусывая воздухом -
ведь нам не привыкать -
мы пьём всю ночь без роздыху,
а в мире благодать:
светлеет небо звёздное,
и кажется опять
тоска угомонилася.
Нам хорошо вдвоём,
нежданной Божьей милостью
струится солнце в дом...
Вдруг что-то изменилось
в приятеле моём.

Вино ли, кровь венозная
ударил в висок,
а только весь серьёзный стал
Аркашенька-дружок,
и заявил, что поздно нам
на Ближний, на Восток.

Он стал меня улещивать,
уткнувшись лбом в плечо,
мол, можно жить и здесь ещё,
мол, Ельцин, Горбачёв...

И тут мне померещилось,
что мой Аркашка - чёрт!

В кудрях его мерлушковых
прозрачные рожки
блеснули над макушкой,
и белые зрачки
над скулами синюшными
зажглись, как светлячки.

Вот пятернёй ленивою
залезет он в пиджак,
с ухмылкой глумливою
протянет свой контракт,
и в ухо торопливо так:
„здесь подпишись, мудака!“

Меня аж передёрнуло:
чёрт в воздухе стоял!
под ним, как туча чёрная,
плыла душа моя...
Но тут сверкнула молния
и отключился я.

.....

Очнулся поздно вечером
и сразу протрезвел,
немного ныло в печени,
гудело в голове,
в углу под пледом клетчатым
Аркашенька сопел.

Он спал с улыбкой мирною,
прижав к груди кулак.
Из радио настёрная
мелодия плыла.
Всё было чисто прибрано,
лишь посреди стола

листок лежал на скатерти,
забрызганной вином .
И были так старательно
написаны на нём
три буквы - словом матерным,

багровое пятно,

А подпись неразборчиво...
Неужто же моя?

22-25 Сент., 94

Проповедь по Телевизору.

Сын внебрачный кириллицы и диамата,
заглотив комара левым глазом, в экране
квохчет алкогольчиком крупноформатным.
Пузырятся слюною слова воскресанья...

Замолкает. И снова, прикинувшись шлангом,
плещет многоглаголаньем мыслерождённым.
Танец с Голой Душой. Командирское танго.
Отходная. Кончается времечко онно...

Так покойнику в ухо молитву читают.
Так с глазами закрытыми ночью танцует
под промёрзшею тундрю в шахте бетонной
перед запуском лысых ракетчиков стая -
за минуту до встречи со светом, впрямую...

26 Мая, 96

Железные Стихи.

На чёрных заводах
из домен пылающих хлещут
живые ручьи
добела раскалённого гноя.
За деньги железные
варят железо стальное
в огне сталевары
огромные в масках зловещих.
И сталь застывает
в холодные, мёртвые вещи:
ножи, автоматы,
винтовки и всё остальное.

Железными бритвами

небо над нами разрезав,
проносятся в ночь
самолётов железные стаи.
Железные рельсы,
как обручи, землю сжимают.
Железные змеи
ползут по дорогам железным.
На нас отовсюду
предметы железные лезут.
Железный металл
в голосах и в крови проступает.

Железных людей,
так легко нас теперь намагнитить.

15-18 Окт., 94

Ветер чиркнул о зубчатый край горизонта вороной.
Пересохшее облако вспыхнуло с треском, как вата.
Осветило забор, караульную будку, солдата
за столом колченогим, покрытым клеёнкой зелёной.
Копшатся ленивые пальцы в страницах измятых.
Он листает, словами во рту шевеля монотонно,
календарик, в котором день смерти моей напечатан.

Строгий образ, рождённого женщиной Бога, с иконы
смотрит вниз на солдата.

Июль , 95

Чужая изба под Москвою.
На брёвнах узоры из влаги.
Я сплю за столом, с головою
зарывшись в листочки бумаги.

В окошке над облаком белым
Луна сторожит моё тело.

К утру, перед самым рассветом
стук двери, как выстрел над ухом
игрушечного пистолета.

Взлетают багровые мухи,
и Сон появляется сразу
в тельняшке, облепленной грязью.

Зияя пустыми зрачками,
ко мне он подходит вплотную,
заносит топор над стихами...
И буквы бегут врассыпную.

Так чуткое стадо животных
от тени бежит самолётной.

Чернильная струйка живая
течёт из виска по листочкам,
бесшумно в стихах расплываясь.
Боль входит сквозь столб позвоночный.

И я просыпаюсь мгновенно.
Качаются пятна на стенах.

Петух разрывает завесу
из слипшихся звёзд и рассвета
над зубчатым контуром леса.
Окно наполняется светом.

Изба оживает. Спросонок
кричит за стеною ребёнок.

Хозяин, весь солнцем пронизан,
в тельняшке идёт через двор.
Куриною кровью забрызган
наточенный остро топор.

И мухи багровые роем
кружат над его головою.

20 Янв., 97

Железное кладбище крыши.
Антенны стоят как кресты,
от ветра совсем покосившись.
Дождь капает из пустоты.

Оградой, луною облитой,
сосулк сияющих ряд.
За ней, как надгробные плиты,
кирпичные трубы торчат.

Покойников птицы склевали,
и надписи смыло водой...
А я, мой хороший, в подвале -
здесь, с кладбищем над головой -

верчусь, как шаман возле строчек...
И ветер железом грохочет.

23 Марта , 97

Аквариум окна.
На дне между домов
раздувшийся трамвай,
набитый доплна
икринками голов,
в сплетеньях фонарей,
и чёрных проводов
волочит свой живот,
и, жабрами дверей
глота я кислород,
вплывает в русский рай...

Я мог быть там - внутри.

19 -20 Апр., 98

Вычислительный центр
в переулке Г.Марка.
Трёхэтажный сарай
разгорожен, как соты.
Терминалов экраны
подсвечены ярко,
на экранах - иконы...
Качаются сотни
одинаковых лиц

на изогнутых шеях...

Новый русский Директор
один в кабинете
изучает журнал
для мужчин и балдеет.
Вентилятор жужжит,
в перемолотом свете
голограммы соблазнов
взрываются тихо.

У начальства в мозгу
набухают идеи
и сплетаются намертво
похоть и прихоть...

Бюстик Ужаса дремлет
под знаменем сладко.
И пульсирует красная
лампочка „Выход“,
оставляя в зрачках
у него отпечатки...

А за окнами месяц
плывёт над столицей,
и корона из звёзд
на рогах его дышит.
Красносерое небо
дождями сочится.
Стаи мокрых такси,
как голодные мыши,
пожирают проворно
крупку пешеходов.
На окраинах, между
дымящих заводов
коридоры из стёкол
по рельсам несутся...

И над ними в дожде
извивается лента
голубых огоньков
посреди небосвода -
это души родных
на летающих блюдцах
возвращаются к нам

в вычислительный центр.

23-24 Апр., 97

Встреча

Там, где памятник Ироду раньше стоял
в ледниково-советский период застоя
возле „Детского Мира“ над главной тюрьмой,
а теперь чёрной тумбой торчит пьедестал,
снова встретились мы у последней черты
в эту ночь, за которою не было завтра,
уцелевшие чудом как два динозавра.
В новом „Здравствуй!“ твоём было слышно „Прости“.

И мохнатое дерево из тишины,
набухая, росло на глазах между нами,
обнимало за плечи живыми ветвями...
наши головы в листьях почти не видны.
И уже не понять, для кого листопад,
пьедестал, и тюрьма, и невидимый Ирод...
Для кого мы стоим возле „Детского Мира“
у последней черты - И молчим наугад.

1989

В ресторане.

Горячие круглые бёдра,
обтянутые чешуёю
из липкой мерцающей ткани,
плывут, натываясь на стулья,
сквозь синее облако дыма,
плывут вереницею бёдра.

Вибрируют грани предметов,
слепая ленивая сила
самцов поднимает со стульев,
и воздух становится вязким,
наматывается на бёдра
и путается под ногами.

В рубашках, разбухших от пота,
вальяжные спермотазавры
над морем еды проплывают
в грохочущий угол оркестра,
их волосы тонкой штриховкой
чернеют на лысых затылках.

Навстречу плывут вереницей
совсем захмелевшие бёдра,
царапаются чешуёю
о вязкий прокуренный воздух,
поскрипывая и качаясь,
плывут вереницей бёдра.

Плывут говорящие лица,
лиловые зубы ликуют
в ошейниках из ожерелий,
и твёрдые вены, взбухая,
растут в гофрированных шеях,
как голые ветви деревьев.

Ночь. Четвероногие пары
плывут, прижимаясь друг к другу,
И сходятся тени над ними,
исчезли все двери, и окна
уже на глазах зарастают
зелёной болотной тиной.

И дом этот кажется шаром.
Обёрнутый мокрой фольгой,
он катится в чистое поле,
всё больше сжимаясь в размерах.

Я где-то внутри в этом шаре.
И дождик за стенкою плачет...
как будто меня отпевают.

Москва, 1 Января 1998

В твёрдое небо растут над столицей
башни кремлёвские, как сталагмиты.
Куртки из кожи животных убитых,
шубы звериные с женскими лицами,
сумки, в которых шевелится пища -
вниз по Тверской люди денег в свечении
слов иноземных плывут по течению,
не обращая вниманья на нищих.

Бьётся реклама на стенах заснеженных.
Ветер гудит в подворотнях сурово.
Первая ночь Девяносто Восьмого.
Холодно в русской столице приезжому

[На Предыдущую Страницу](#)